

УИЛЬЯМ МОРРИС

ЗАПЕЧАТАННОЕ
ПИСЬМО ФРЭНКА

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис

Запечатанное письмо Фрэнка

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Запечатанное письмо Фрэнка / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«С тех пор как я помню себя, то есть ещё с детских лет, мне всегда говорили, что у меня нет упорства, нет силы воли. Прямо или косвенно мне все твердили: «Текучий, словно вода, ты ни в чём не достигнешь успеха». Однако же они всегда ошибались, ибо из всех известных мне людей у меня наиболее сильное стремление – к добру или к злу. Я быстро определяю, можно ли совершить то или иное дело; если нет – забываю о нём навсегда, без сожаления, не испытывая устремления к тому, что ушло в прошлое и закончено. В противном случае, я обращаюсь к делу всем разумом, начинаю и заканчиваю его, при этом не отвильнув ни разу ни вправо, ни влево, пока оно не будет сделано. И так я поступаю со всё́м, к чему прилагаю руки...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Уильям Моррис

Запечатанное письмо Фрэнка

С тех пор как я помню себя, то есть ещё с детских лет, мне всегда говорили, что у меня нет упорства, нет силы воли. Прямо или косвенно мне все твердили: «Текучий, словно вода, ты ни в чём не достигнешь успеха». Однако же они всегда ошибались, ибо из всех известных мне людей у меня наиболее сильное стремление – к добру или к злу. Я быстро определяю, можно ли совершить то или иное дело; если нет – забываю о нём навсегда, без сожаления, не испытывая устремления к тому, что ушло в прошлое и закончено. В противном случае, я обращаюсь к делу всем разумом, начинаю и заканчиваю его, при этом не отвильнув ни разу ни вправо, ни влево, пока оно не будет сделано. И так я поступаю со всё, к чему прилагаю руки.

Только любовь и сопровождающие её бурные беспокойные страсти слишком сильны для меня; они способны одолеть даже мою могучую волю... Поэтому-то меня теперь считают слабым, не имеющим цели в пустом течении собственной жизни.

Да, теперь моя жизнь не имеет цели. Я знаю, что побеждён, но знаю и то, что сражался; я ещё помню ту утомительную борьбу, которую вёл изо дня в день – препоясав чресла, напрягая все мышцы, – пока не миновали годы и годы. Я знаю то, что неведомо им: знаю, как трепещет Страсть в моей хватке, как она никнет и покоряется, помню, как становился всё сильнее и сильнее, помню, как, наконец, стоял, дрожа от накопленной силы, со светом победы на челе и губах... Однако Господня десница поразила меня, я пал сразу и не ведая исцеления. Теперь я побеждён; я – человек, действительно не имеющий цели в жизни, не желающий жизни больше, чем смерти, а смерти – больше, чем жизни... Побеждённый, хотя не был трусом... Зброшенный, утративший все надежды, никем не любимый, живущий прошлым.

Теперь я расскажу вам, как пал, и молю всякого – пожалейте меня, если сможете, полюбите и помолитесь, чтобы мне было даровано прощение.

В тот день, расставшись с ней, я сказал себе, что должен забыть её, смотреть на неё так, как если бы её никогда не было; что буду входить в этот дом и выходить из него – часто встречая её и разговаривая с ней, как с любой миролюбивой и воспитанной леди, чтобы только не видеть Мейбл, мою усопшую Мейбл. Она скончалась, а с нею и прожитые вместе – мальчиком, юношей и мужчиной – двадцать лет. Ни одна тень прошлого не должна лечь на мою тропу, сказал я себе. К тому же мир нуждается в помощи, а я силен и полон желания помочь ему. Повсюду вокруг себя я видел людей, отыскивающих взглядом вождя, ждущих того, кто придёт и поможет им. Этим вождём стану я, говорил я себе; зачем сторониться людей и предаваться горьким мыслям – ведь я способен полностью забыть прошлое, за короткое время стать совершенно иным человеком. С какой стати! Я никогда не любил эту женщину – её тяжёлые гладкие волосы и полные сонной страсти глаза... Всё это случилось когда-то, давным-давно. Кто может сказать, когда он по-настоящему жив? Я знаю; я прочувствовал всю поэзию и искусство, я умею творить, умею сочувствовать любому, кто жил на свете, мужчине и женщине, даже этой – холодной и гордой, бессердечной, с её тяжёлыми гладкими волосами, огромными, полными дремлющей страсти глазами, способными внушить любовь к себе слабому мужчине.

Да, оставив её – нет, даже прежде того, – я говорил так, ибо посреди всей мучительной мольбы нашлись слова, способные пробудить её эгоистичную холодную кровь и наговорить мне полных презрения слов.

– Мейбл! – сказал я. – Мейбл! Подумай немного, прежде чем отвергнуть меня! Разве я недостаточно хорош для тебя? Тогда, ради Бога, молю, скажи мне, каким ты хочешь видеть меня? Что ты хочешь из меня сделать, и я сделаю это, стану таким, как ты хочешь. Подумай, как долго я поклонялся тебе, глядел на мир твоими глазами. Я полюбил тебя с первого взгляда, ещё ребенком, почти не осознавая того. И с тех пор только вырастал в разуме и любви. О, Мейбл!

Вспомни всё, о чём мы говорили, о чём думали вместе. Неужели ты сумеешь найти ещё одного мужчину, полностью разделяющего все твои мысли? Нет, ты просто обязана любить меня. А какие письма ты мне писала! О! Мейбл, Мейбл, я знаю, Господь не допустит, чтобы чувство, подобное моему, осталось без воздаяния. Ты любишь меня – я знаю это, я в этом уверен; ты просто испытываешь меня. Ну, довольно, моя собственная, единственная, кто любит меня. Посмотри, разве я мало люблю тебя?

И я пал к её ногам. Я схватил её за подол. Я уткнулся лицом в складки юбки, старательно стараясь убедить себя в том, что она испытывает меня, что глубокое чувство мешает ей говорить, что всё это только сон. О, как я пытался пробудиться, как хотел проснуться с отчаянно бьющимся сердцем посреди чёрной ночи на собственной постели. Точно таким образом в детстве я избавлялся от сновидшихся мне львов, разбойников, близкой смерти, от самого дьявола, пробудившись в своей собственной комнате – пусть в темноте, но с сердцем, колотящимся от страха погони или радости избавления.

Но теперь избавления нет, меня окружает истинный и отчаянный кошмар. Былые кошмары сомкнулись вокруг меня, превратившись в самую злую действительность, чего я всегда боялся. И стены этой жути окружают меня боками железного ящика, уносимого вниз по течению быстрой рекой в безмерное, бурное море... И чёрные воды повсюду, даже над головой. Проснувшись, я уже не увижу ничего иного.

Послушайте-ка её слова, вы, счастливые возлюбленные. Способны ли вы поверить в такое? Я лично – нет. Не глядя вверх на неё, лежа у ног, я ощущаю, как губы Мейбл складываются в эту жестокую улыбку; вырвав платье из моих рук, она сказала:

– Слушай, Хью. Я называю тебя так, кстати, не потому, что ты мне симпатичен, а поскольку фамилии всегда казались мне не имеющими смысла. Хью, я никогда не любила тебя и не полюблю. Нет, более того, я не уверена в том, что не испытываю к тебе ненависти – за то, что ты объявляешь о каких-то своих правах на меня и упоминаешь Бога. Кто дал тебе право быть моим господином и оспаривать веления моего сердца? Что ж, я долго ждала, что ты, наконец, потребуешь меня целиком... и теперь отбрасываю твою «любовь» и топчу – вот так, вот так, – ибо эта самая «любовь» всегда и повсюду была для меня тяжким бременем. Ты знаешь мои думы? Да, конечно, у тебя, считающего себя моим учителем, найдётся несколько собственных мыслей. Какой мужчина мне нужен? Да, мне нужен отважный и красивый муж. А ты – трус и калека. Я испытываю тебя? Нет, Хью, в этом нет необходимости; я и так прекрасно знаю тебя... слабого, нерешительного, неспособного на великие деяния. И я выйду только за великого человека... Мужем моим станет лишь:

Тот, чья честь чистым снегом бела¹,
Тот, кто на плече своём носит ручного орла,
Тот, что чувствует быструю поступь времён,
Скор на мысли и быстр на деяния он, –
Лишь тот, что сильной рукою сдержит взбесившийся мир.

Но прежде, чем она начала этот стих, жизнь моя преобразилась. Только что лежал я, простёртый неведомо в каких муках, – и пришёл покой. Я немедленно успокоился, начиная покорять страсть своей могучей воле; началась битва, в которой я сражался с такой отвагой.

Прежде чем она начала этот стих, я поднялся, и, заметив меня на ногах, такого невозможного и – да, отважного, – это меня-то, «калеку и труса», она дрогнула передо мной; голос её

¹ Цитируется строфа из поэмы шотландского поэта Александра Смита (1829–1867) «*A Life Drama*»: White honour shall be like a plaything to him, Borne lightly, a pet falcon on his wrist; One who can feel the very pulse o' the time, Instant to act, to plunge into the strife, And with a strong arm hold the rearing world.

затрепетал на презрительном слове. Тут я подумал: «Какая она холодная, раз способна вспомнить в подобный миг красивые вирши. О! Мсть моя будет верной и надёжной – не хуже, чем если бы я убил её в этой комнате, пронзив сердце кинжалом».

Сердце мое, наконец, совершенно успокоилось, целеустремлённость вернулась, и я смог говорить – без малейшего пыла в словах, но и не принуждая себя к неестественному спокойствию. Я умею казаться – и так было годы и годы – не холодным и жёстким человеком света, не бездумной счётной машиной, населившей Господню землю попечением современной науки, а любезным и добрым человеком, бесспорно полным всяческих познаний, но и оставившим место для любви, устремлений и веры. Ах! Судившие обо мне подобным образом не видели этой схватки, не видели горькой битвы, разразившейся в комнате старого дома в Ристоне – там, где река расширяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.